

Научная статья

УДК 141.5

doi: 10.47475/1994-2796-2022-11012

ПЕРИПЕТИИ НА «ПЕРЕКРЕСТКАХ» ИСТОРИЧЕСКОГО И НОВОГО ШЕЛКОВЫХ ПУТЕЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Чжан Юньцзе¹, Наргис Талатовна Нурулла-Ходжаева^{2✉},

^{1,2} Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

² nargis.nurulla@gmail.com✉, ORCID 0000-0003-2178-3377

Аннотация. В статье речь идет о глобальной инициативе «Один пояс и один путь» («Идай, илу» на китайском языке), которую иногда называют «Новым Шелковым путем». В странах Центральной Азии, так же, как и в Китае понимают, что особую значимость для процветания всей Евразии имеет стратегическое положение Центральной Азии. Тем самым высвечивается актуальность этого сухопутного моста, и его связей со всеми пятью великими массивами евразийского пространства: Китаем, Индией, Ближним Востоком, Россией и Европой. Такой контекст позволяет наблюдать заинтересованность в развитии инфраструктуры, а это в своей основе повторение (пусть отчасти) раскладки древних караванных путей. Актуальность такой картины позволяет связать историю и современность на перекрестках Шелкового пути.

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, Шелковый путь, «Пояс и путь»

Для цитирования: Чжан Юньцзе, Нурулла-Ходжаева Н. Т. Перипетии на «перекрестках» исторического и Нового Шелковых путей в Центральной Азии // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 10 (468). Философские науки. Вып. 66. С. 91—97. doi: 10.47475/1994-2796-2022-11012.

Original article

UPS AND DOWNS AT THE «CROSSROADS» HISTORICAL AND NEW SILK ROADS IN CENTRAL ASIA

Zhang Yunjie¹, Nargis T. Nurulla-Khojaeva^{2✉}

^{1,2} Lomonosov Moscow State University M. V. Lomonosov, Moscow, Russia.

² nargis.nurulla@gmail.com✉, ORCID 0000-0003-2178-3377

Abstract. The article is about the global initiative “One Belt and One Road” (“Idai, Ilu” in Chinese, from now on referred to as “Belt and Road”), which is sometimes called the “New Silk Road”. In the course of the work, the idea is considered that the countries of Central Asia and China understand that connectivity between countries and regions is crucial for Eurasia’s future growth and prosperity. Thus, there is an interest in developing infrastructure, a repetition (albeit partly) of the layout of ancient caravan routes. The relevance of such a representation makes it possible to link history and modernity at the crossroads of the Silk Road.

Keywords: China, Central Asia, Silk Road, Belt and Road

For citation: Kachejev DA. The study of the public consciousness of the Kazakhs: from the Marxist-Leninist and civilizational to the logical and semantic methodology. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(10(468):91-97. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-11012.

Глобальная инициатива «Один пояс и один путь» («Идай, илу» на китайском языке, далее «Пояс и путь»), которую иногда называют «Новым Шелковым путем», остается приоритетной для Китайской Народной Республики. Она главенствует в процессе выстраивания внешней и внутренней политики этого государства. Важно

учесть, что «Пояс и путь» представлялась с самого начала не как стратегия, а скорее, как инициатива (на китайском «чанъи»). Такой немного зыбкий подход вызывает много вопросов среди исследователей. Некоторые рассматривают инициативу «Пояс и путь» как «инфраструктурную дипломатию Китая» [14]. Другие видят в инициа-

тиве китайский план Маршалла для Азии — программу, которая может способствовать созданию более мягкого имиджа Китая, даже при одновременном повышении его регионального и глобального влияния [5]. Некоторые эксперты считают, что в изложении планов по реализации, особенно в отношении межправительственных соглашений, которые имеют решающее значение для получения поддержки и обязательств со стороны многих стран, участвующих в такой работе деталей недостаточно [14]. Часто упоминается, своего рода дефицит в как в определении конкретных целей, так и конкретных временных рамок.

Опираясь на исследования коллег, и предлагая свой краткий анализ, мы считаем, что на данном этапе работа по данной тематике должна представляться прежде всего как скомбинированное междисциплинарное исследование, где идеи и вещи, история и современность, культура и торговля: все это переплетается и дает нам новые возможности взаимопонимания. В статье предлагается рассмотреть предположение, что в странах Центральной Азии, также как и в Китае понимают, что решающее значение для будущего роста и процветания всей Евразии остается связь между странами и регионами. Тем самым, по всему большому региону наблюдается заинтересованность в развитии инфраструктуры, и это в своей основе повторение (пусть отчасти) раскладки древних караванных путей.

Взаимодействие Китая с его соседями на Западе, земли, которые ныне представляются нами как государства Центральной Азии, может показаться недавним событием, однако оно имеет давний исторический прецедент. За исключением коротких перерывов из-за внутренних раздоров или иностранных имперских экспансий, китайская правящая элита почти постоянно взаимодействовала со своими западными партнерами на протяжении более двух тысячелетий. Такое взаимодействие с многочисленными азиатскими обществами и политическими институтами, иллюстрируемое долгой историей Шелкового пути, вышло за рамки экономического и культурного обмена. По своей природе в масштабах огромной торговой сети посредников, которые в основном были из Центральной Азии, закладывался мощный геополитический подтекст.

Кроме того, сменявшие друг друга китайские династии часто сталкивались со степными кочевниками из западных степей. Такие племена из Центральной Азии и Урало-Поволжья нередко вызывали ужас среди местного населения, они бросали серьезный вызов правящим императорам. И одновременно, именно Центрально-азиаты были

среди ключевых стратегических партнеров, которые обеспечивали средствами для борьбы с постоянной степной угрозой, и не только китайские империи. Известно, что регион почти четыре тысячи лет признавался основным поставщиком лошадей для всех империй Евразии (знаменитые «ферганские кони» [8]).

В наше время в каждой стране региона можно найти общее, и одновременно потенциально сильное осознание того, что в прошлом существовал особый нетворк, соединяющий как народы региона внутри, так и вне этих земель. Вероятно поэтому национальные университеты Казахстана, Кыргызской Республики, Узбекистана названы в честь мыслителей давнего прошлого, тех, кто имел опыт такого рода контактов в прошлом. Многие такие личности отмечены на национальных валютах, их имена часто звучат в процессе представления истории и культуры стран региона. Не должен вызывать удивление, тот факт, что сегодня национальное ограниченное осознание начинает превращаться в более глубокое и интенсивное взаимодействие с прошлым. Это новое течение проявляется в каждой стране региона, и везде оно высвечивается через общие моменты истории. При этом многие более узкие и причудливые версии национальной истории, придуманные в первые дни независимости, медленно «тают». Вместо этого более глубокая история Центральной Азии постепенно, но неуклонно восстанавливается из забвения. Когда это происходит, прошлое может информировать, вдохновлять и предостерегать тех, кто сегодня несет ответственность за судьбу региона.

С исчезновением «железного» и «бамбукового» занавесей (т. е. вокруг СССР и Китая), Центральная Азия оказалась на стратегически важном перекрестке. Предполагаю, мы являемся свидетелями возникновения контуров реального, ранее недостающего связующего компонента дорожных карт: евразийский сухопутный мост, соединяющий Азию и другие части мира. Часто говорится, что цель Китая, это Европа. Однако, предполагаем, что такой подход, это своего рода заблуждение. Одним из ключевых направлений через Центральную Азию является Южная Азия. Интересно вспомнить, что исторический Шелковый путь, это скорее «Великий индийский путь». На этом настаивал недавно ушедший от нас академик АН Узбекистана Эдвард Ртвеладзе [15]. Такие корифеи в науке часто говорили о «центральности» Центральной Азии. Она обеспечивалась торговыми, интеллектуальными, религиозными контактами со всеми пятью великими массивами евразийского пространства: Китаем, Индией, Ближним

Востоком, Россией и Европой. Соответственно не совсем правильно делать акцент на Европу (как это часто бывает среди экспертов). Вернее будет говорить, что Китай намеревается связать на единой дорожной карте огромную евразийскую мозаику. На данном этапе зафиксировано шесть наземных экономических коридоров, это Китай — Монголия — Россия, Китай — полуостров Индокитай, Китай — Пакистан и Бангладеш — Китай — Индия — Мьянма. К ним нужно прибавить два ключевых, именно они проходят через Центральную Азию: «Новый Евразийский сухопутный мост» и «Экономический коридор Китай—Центральная Азия—Западная Азия» [2].

Для того, чтобы такие планы были реализованы, регион, вероятно, должен стремиться восстановить свою давнюю роль торговых и интеллектуальных партнеров-посредников. Из истории известно, что «Ближайшие соседи, в том числе китайцы, признавали согдийцев (прародителей нынешних Центрально-азиатов), как успешных торговцев и купцов, которые стремились туда «где намечалась выгода». Такое описание заложено в официальной (новой) версии истории Тан (написанной в IX в.). По словам Франца Грене именно «согдийский приток стал основным фактором культурной истории Китая (V—VIII вв.)» [8]. Центральная Азия в современном контексте может и должна вновь стать таким «притоком», но не только для Китая. Регион должен определять свою собственную судьбу, извлекая выгоду из своих потенциальных связей со своими соседями и остальным миром. Для этого необходимо более тесное сотрудничество между государствами на этом давнем историческом перекрестке. Совокупность таких факторов дает значительные геополитические и стратегические экономические преимущества народам Центральной Азии.

Парадокс в том, что и на историческом Шелковом пути, и в сегодняшней раскладке, т. е. на Новом Шелковом пути, фиксировался новый (и возможно для нас непривычный, неевропейский) образец отношений и связей. Хотя есть очень немаловажное отличие: участники исторического Шелкового пути не имели бремени таможенных процедур, которые в настоящее время сильно влияют на торговлю в регионе. Дело в том, что количество документов, необходимых как для экспорта, так и для импорта во всех странах региона, является одним из самых высоких в мире. Длинные транзитные маршруты, многочисленные пересечения границ и утомительное время ожидания на границах являются основными факторами плохой торговой логистики в Центральной Азии. В регионе при типичной 500-километровой по-

ездке 20-тонного грузовика более трех четвертей общего времени остановки, или 25 часов, приходится на пункты пересечения границ [9, 38].

Сложно представить восстановление интенсивных торговых оборотов внутри региона и вне, без улучшения связей между странами и взаимопонимания в межрегиональных проектах. И если видеть такие «связи» в контексте Нового Шелкового пути, то мы сможем представить Центральную Азию как культуру, стремящуюся быть «открытой». Так как эта культура:

- обладает запасом очевидности (если не сказать закономерности), и параллельно;
- демонстрирует сознательное/концептуальное отклонение от курса развития; особую «пестроту», не давая тем самым принять заранее предначертанные рамки.

Такая картина интересным образом стыкуется с концепцией «Сообщество с общей судьбой». Данная концепция была представлена мировой аудитории Председателем Народной Республики Китая Си Цзиньпином на встрече в Московском Институте международных отношений в 2013 г. Сущность данного понятия, это «создание мира, в котором существует прочный мир, всеобщая безопасность, совместное процветание, открытость и толерантность, чистота и красота», т. е. реализация концепции осуществляется с разных сторон — в политике, безопасности, экономике, культуре и экологии» [1]. Позднее концепция была включена в Устав Коммунистической партии Китая на 19-м Всекитайском съезде КПК в 2017 г., кроме того, она было закреплено в поправках Конституции КНР в 2018 г. [1]. Учитывая вероятность того, что председатель Си Цзиньпин останется у власти после окончания его второго президентского срока в 2023 году, данная масштабная программа останется ключевым звеном внешней и внутренней политики Китая. В целом, необходимо сказать, что 2013 г. знаменателен тем, что в том году Си Цзиньпин в ходе своего знаменитого азиатского турне представил в каждой стране части программы евразийской интеграции. Логично понять, что «Сообщество» может стать одной из самых значимых глобальных тенденций текущего века и «Пояс и Путь» гармонично вплетен в нее. В таком переплетении улавливается разница: «Пояс и путь» охватывает географически и экономически Азию и Европу, тогда как «Сообщество» представляется фундаментом всей геополитической и геоэкономической политики нынешнего Китая [17].

Известно, что Си Цзиньпин инициировал первое представление «Экономического пояса Шелкового пути» в Алма-Ате (Казахстан) в сентябре

2013г. Стратегическая задумка кроется в декларировании данного сухопутного направления именно в Центральной Азии. В том же году, в октябре, Си Цзиньпин объявил о второй составляющей «Пояс и путь»: Морской Шелковый путь XXI в., в Индонезии. Во всех проектах, которые намечаются, или реализуются в рамках инициативы, отражаются главные принципы: это главенствующая роль государственных институтов и соответствующая проправительственная мобилизация имеющихся финансовых, а также интеллектуальных, культурных, социальных ресурсов государства.

Хотя инвестиции в Центральные Азиатские государства составляют весьма скромную часть общих финансовых вливаний в рамках инициативы. Если говорить в цифрах, то в совокупности почти 3,1 миллиарда долларов китайских внешних прямых иностранных инвестиций в период с 2013 по 2017 год, что составляет 3,8 процента китайских внешних прямых иностранных инвестиций в странах «Пояс и Путь» и менее половины 1 процента в мире [16]. Тем не менее, регион, лежащий в центре потенциальных межконтинентальных транзитных маршрутов, признается как решающий в интеграционном процессе. Не имея выхода к морю, Центральная Азия получает перспективу иметь сухопутные мосты. К месту будет помнить, что Китай был среди первых государств мира, которые признали декларирование независимости всех пяти стран Центральной Азии в 1992 г.

До прихода к власти Си Цзиньпина в 2012 году у Китая было три основных экономических направления в регионе. Во-первых, Китай финансировал и строил дороги, электростанции и электрические сети (в основном в Казахстане, так и в Кыргызстане и Таджикистане). Во-вторых, китайские фирмы инвестировали в нефтегазовые активы в Казахстане, Узбекистане и Туркменистане, а экспорт углеводородов в Китай резко увеличился с 1990-х годов. И, в-третьих, Китай начал импортировать в умеренных количествах необработанные металлы из Казахстана и хлопок из Узбекистана. В то время как углеводороды по-прежнему доминируют в экспорте из Центральной Азии в Китай, за последние пять лет акцент Пекина сместился на развитие межрегиональных связей, и связанных с ней индустриализацией экономики всего региона (возможное исключение это Туркменистан).

Постепенно исчезают крупные кредиты на инфраструктуру, которые характеризовали более раннее экономическое участие Китая в Центральной Азии. Последняя крупная кредитная сделка была подписана в 2014 году с Таджикистаном [3]. В последние годы многие китайские фирмы на-

целены на строительство заводов, развития перерабатывающей мощности для сырья и модернизация местных сельскохозяйственных объектов. Эти усилия являются неотъемлемой частью стратегического стремления помочь странам Центральной Азии в развитии экспортных отраслей, и подключить к работе местных жителей. Все эти изменения вызваны несколькими трендами, которые все более проявляются. Во-первых, в государства региона постепенно наращивают опыт в плане получения китайских субсидий потребностей. В совместных программах озвучиваются требования по найму местных кадров, и соответствующее повышения их квалификаций. Правительственные бюрократы начинают координировать свои действия с китайскими компаниями и правительством Китая для разработки совместных планов развития. Сегодня, в отличие от прошлого, они ищут не государственные займы, они заинтересованы в инвестициях. Особенно этот тренд заметен в Казахстане и Кыргызстане.

Разумеется, каждое Центрально-азиатское государство имеют свою специфику. Казахстан выделяется по размеру своей экономики, которая более чем в 20 раз превышает экономику Таджикистана и Кыргызской Республики [11]. Казахстан также имеет самый высокий доход на душу населения, самым бедным признается Таджикистан. Но все страны все еще слабо связаны с остальным миром. Это отражено в Индексе многомерной связанности Всемирного банка, в котором 112 стран ранжируются в соответствии с их связями с остальным миром с точки зрения торговли, прямыми иностранными инвестициями, миграции, информационно-коммуникационных технологий, авиакомпаний и портфельных инвестиций [12]. Соединение стран Центральной Азии с их соседями и остальным миром, это перспектива увидеть контуры «Сообщества с общей судьбой».

В таком плане поучительно рассмотреть, как каждая из стран региона участвует в «Пояс и Путь» инициативе:

- Казахстан: Подход этого государства к партнерству с Китаем в целом, и к упомянутой инициативе в частности, отличается продуманностью. Разрабатывая собственные национальные планы, взаимодействуя с другими партнерами, особенно с международными финансовыми институтами, и сохраняя строгий контроль над программами и проектами, поддерживаемыми Китаем, Казахстан пытается (как отмечают многие исследователи) правильно сбалансировать между потоком инвестиций и ответственности таковых национальным приоритетам [6].

- Кыргызская Республика: страна в настоящее время хорошо обеспечена транспортной инфра-

структурой и что дальнейшие инвестиции, в том числе в рамках «Пояс и Путь», должны быть тщательно изучены, чтобы гарантировать, что выгоды, получаемые от транзитных или внутренних перевозок, соизмеримы с этими инвестициями. Многие эксперты пишут об актуальности фокуса на инвестициях в сельское хозяйство и агро-промышленность [12].

• Таджикистан: Таджикская общественность изначально приветствовала поддержку Китая. Однако в последние годы растут все опасения по поводу усиливающегося нажима Китая для получения больших экономических льгот и послаблений. Вероятно, правильнее было бы более тщательно оценить выгоды и издержки китайских инвестиций в рамках «Пояс и путь» для этого миниатюрного государства региона и ограничить увеличение финансовых рисков, обеспечивая вклад инвестиций в сферу создания новых рабочих мест. Другая важнейшая необходимость, это активное участие в разработке общей стратегии со своими соседями по региону [12].

• Узбекистан: «Пояс и путь» имеет полезную основу для двустороннего сотрудничества с Китаем и для многостороннего взаимодействия с другими партнерами при условии согласованности с национальными планами и приоритетами. Однако в последние годы с расширением программ и льгот возникают более высокие риски, которые необходимо предотвращать заранее, чтобы избежать серьезных проблем, с которыми сталкиваются в некоторых других странах инициативы «Пояс и путь» [10].

Национальные правительства всех стран региона стремятся к экономической интеграции со своими соседями и мировыми рынками. В первую очередь в этом направлении работают Казахстан и Узбекистан. Существуют также важные региональные инициативы и институциональные проекты, направленные на поддержку экономического сотрудничества. Это особенно интересно прослеживается в рамках Шанхайской Организации сотрудничества (ШОС), Специальной Программы ООН для Экономик Центральной Азии (СПЕКА), ТРАСЕКА (аббревиатура от англ. Transport Corridor Europe-Caucasus-Asia, TRACECA) — программа международного сотрудничества между Европейским союзом и странами-партнерами по организации транспортного коридора «Европа — Кавказ — Азия» и др. [4] Ярким и поучительным примером региональной интеграции за последние десять лет было быстрое расширение трансконтинентальных контейнерных железнодорожных перевозок между Китаем и другими частями Евразии.

Одновременно правильно будет упомянуть, что в Центральной Азии многие эксперты говорят о

рисках, они ссылаются на недавние случаи выхода стран из «Пояс и путь» (например, Малайзии, Шри-Ланки). Сам анализ позволяет сделать вывод, что риски, как правило, самые большие возникают у тех стран, которые в связи с тем, что бедны, позволяют значительные вклады со стороны китайских инвесторов. Этот момент сопровождается ограниченными возможностями контроля над проектами «Пояс и Путь». Страны с неэффективным управлением особенно подвержены риску, поскольку погоня за рентой ведет к нерациональному распределению и неэффективному и, возможно, коррумпированному использованию ресурсов.

Другим поводом для возможного беспокойства может стать вопрос, является ли участие Китая в рамках «Пояс и путь» в странах Центральной Азии «хищническим», «эксплуататорским», «колониалистским» или враждебным по отношению к суверенитету стран вдоль Нового Шелкового пути. Частые упоминания такого рода упреков со стороны экспертного сообщества, довольно распространены (это особенно заметно в публикациях на Западе). Разумеется, такого рода дискуссии возникают и среди местных исследователей. Однако здесь наблюдается самый разный спектр мнений, часто в зависимости от эксперта, но в целом, общие тренды таковы: в Казахстане и в Узбекистане, большинство отвергает такого рода опасения [4]. Это особенно заметно в Казахстане. В Кыргызстане и Таджикистане, ситуация складывается иначе. В ходе проведения социологических опросов было определено: в Кыргызстане, треть респондентов опроса считают Китай угрозой [13]; в Таджикистане говорят о контроле Китая над телекоммуникационным сектором, отмечается растущий масштаб контроля Китая над скудными сельскохозяйственными угодьями и выражается обеспокоенность по поводу возможного демографического и культурного доминирования Китая в Таджикистане [7]. Однако в целом, вопросы такого рода должны быть нацелены не только на изучение негатива, но и на том, как справиться с этими негативными впечатлениями, чтобы обеспечить соответствующую обратную связь.

И в качестве заключения, хотелось бы подчеркнуть рациональную необходимость управлять рисками, в том числе экологическими и социальными проблемами. Такой подход даст возможность для всех участников «Пояс и путь» инициативы увидеть историко-географическую значимость такой работы, и высветить уникальную возможность ускорить экономическое и социальное развитие. Возможно, это станет шагом по очень долгому пути создания «Сообщества общей судьбы».

Список источников

1. Блог Чжэн Цзелань. Китайская традиционная культура в концепции «Сообщества единой судьбы человечества». URL: [https://russiancouncil.ru/blogs/zhengjielan/kitayskaya-traditsionnaya-kultura-v-kontseptsii-soobshchestva-edinoy-s.](https://russiancouncil.ru/blogs/zhengjielan/kitayskaya-traditsionnaya-kultura-v-kontseptsii-soobshchestva-edinoy-sudby-chelovechestva)
2. Брифинг по инициативе «Пояс и путь». URL: <https://foeasiapacific.org/wp-content/uploads/2021/03/foe-belt-and-road-briefing-RUS.pdf>.
3. Гафуров Р. Иностраннные инвестиции и их роль в развитии экономики Республики Таджикистан., Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук, Душанбе, 2005. URL: <https://www.dissercat.com/content/inostrannye-investitsii-i-ikh-rol-v-razvitii-ekonomiki-respubliki-tadzhikistan>.
4. Жун Я. Деятельность Шанхайской организации сотрудничества в контексте международной экономической интеграции // Политика и Общество. 2016. № 12. С. 1645—1650.
5. Лузянин С. Г., Мамонов М. В. Китай в глобальных и региональных измерениях. Ресурсы и маршруты «возвышения» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitay-v-globalnyh-i-regionalnyh-izmereniyah-resursy-i-marshruty-vozvysheniya>.
6. Ма И. Социально-экономические отношения между Казахстаном и Китаем после распада СССР // Genesis: исторические исследования. 2020. № 10. С. 105—112. DOI: 10.25136/2409-868X.2020.10.33704
7. Незападная демократия и западный неокOLONIALИзм. URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/nezapadnaya-demokratiya-i-zapadnyu-neokolonializm/>
8. Нурулла-Ходжаева Н. Т. «Танцующие» купцы вне империй на Шелковом пути. Вестник МГИМО— Университета. 2017. № 1 (52). С. 119—139. URL: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-1-52-119-139>.
9. Обзор эффективности развития Программы Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества за 2011 г.: ЦАРЭС-2020 — фокус, действия, результаты (на англ.) URL: <https://www.carecprogram.org/uploads/CAREC-Development-Effectiveness-Review-2011-Main.pdf>.
10. Один пояс, один путь: мегавозможности — мегапроект; Институт стратегических межрегиональных исследований при президенте Республики Узбекистан. URL: <https://isrs.uz/ru/maqolalar/odin-poas-odin-put-megavozmoznosti-megaproekt>.
11. Перспективы развития региональной экономики. Ближний Восток и Центральная Азия; октябрь 2020. URL: <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/REO/MCD-CCA/2020/October/Russian/mreo1020-full-report-russian.ashx>.
12. Развитие системы индикаторов бедности для мониторинга достижения Целей устойчивого развития в странах Содружества / Межгосударственный статистический комитет содружества независимых государств. URL: http://www.cisstat.com/rus/OBZOR_POVERTY_2021.pdf.
13. Талига Х. Инициатива «Один пояс — один путь» в Центральной Азии Кабинетное исследование. МКП, 2021.
14. Харт Т. Парадигма новой правящей партии Китая. Routledge, 2018. 272 с.
15. Хорезм в истории государственности Узбекистана / отв. ред. Э. В. Ртвеладзе, Д. А. Алимова. Ташкент, 2013.
16. Экономика одного пояса, одного пути. Возможности и риски транспортных коридоров. Международный банк реконструкции и развития / Всемирный банк. 2020. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/31878/211392RU.pdf?sequence=12>.
17. Юй Чжочао, Грозин А. В. Политика Китая в отношении Центральной Азии, Санкт-Петербург : Алетей, 2018. 320 с.

References

1. Blog Zheng Zelan. Chinese traditional culture in the concept of «Community with a common destiny for mankind». Available from: <https://russiancouncil.ru/blogs/zhengjielan/kitayskaya-traditsionnaya-kultura-v-kontseptsii-soobshchestva-edinoy-sudby-chelovechestva>.
2. Briefing on the Belt and Road Initiative. Available from: <https://foeasiapacific.org/wp-content/uploads/2021/03/foe-belt-and-road-briefing-RUS.pdf/>
3. Central Asia Regional Economic Cooperation Program Development Effectiveness (2011). Review: CAREC 2020—Focus, Action, Results. Available from: <https://www.carecprogram.org/uploads/CAREC-Development-Effectiveness-Review-2011-Main.pdf>

4. Development of a system of poverty indicators to monitor the achievement of the Sustainable Development Goals in the Commonwealth countries; Interstate Statistical Committee of the Commonwealth of Independent States. Available from: http://www.cisstat.com/rus/OBZOR_POVERTY_2021.pdf.

5. Gafurov R. Foreign investments and their role in the development of the economy of the Republic of Tajikistan., Abstract of the dissertation for the degree of candidate of economic sciences. Dushanbe, 2005. Available from: <https://www.dissercat.com/content/inostrannye-investitsii-i-ikh-rol-v-razviti-ekonomiki-respubliki-tadjikistan>.

6. Hearth T. China's New Governing Party Paradigm., Routledge; 2018. 272 p.

7. Khorezm in the history of the statehood of Uzbekistan. Tashkent;, 2013.

8. Luzyanin SG, Mamonov MV. China in global and regional dimensions. Resources and routes of "elevation", in the book. China in world and regional politics. History and modernity. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitay-v-globalnyh-i-regionalnyh-izmereniyah-resursy-i-marshruty-vozvysheniya/>

9. Ma I. Socio-economic relations between Kazakhstan and China after the collapse of the USSR *Genesis: historical research*. 2020;10.

10. Non-Western Democracy and Western Neo-Colonialism. Available from: <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/nezapadnaya-demokratiya-i-zapadnyy-neokolonializm/>

11. Nurulla-Khodjaeva N.T. "Dancing" merchants outside the empires on the Silk Road. Bulletin of MGI-MO-University. 2017;1(52):119-139.

12. One Belt, One Road Economy. Opportunities and risks of transport corridors. International Bank for Reconstruction and Development. World Bank; 2020.

13. One Belt, One Road: mega-opportunities — mega-project; Institute for Strategic Interregional Studies under the President of the Republic of Uzbekistan. Available from: <https://isrs.uz/ru/maqolalar/odin-poas-odin-put-megavozmozhnosti-megaproekt>.

14. Prospects for the development of the regional economy. Middle East and Central Asia; October 2020.

15. Taliga Harri, One Belt One Road Initiative in Central Asia Desk research; ITUC 2021.

16. Yu Zhochao, Grozin A.V. China's policy towards Central Asia, St. Petersburg: Aletheia; 2018.

17. Zhong Ya. Activities of the Shanghai Cooperation Organization in the context of international economic integration. *Politics and Society*. 2016;(12):1645-1650. DOI: 10.7256/1812-8696.2017.1.21556.

Информация об авторах

Чжан Юньцзе — аспирантка кафедры стран Центральной Азии и Кавказа Института Азии и Африки.

Н. Т. Нурулла-Ходжаева — доктор философских наук, доцент кафедры стран Центральной Азии и Кавказа Института Азии и Африки.

Information about the authors

Zhang Yunjie — post-graduate student at the Department of Central Asian and Caucasian Studies at the Institute of Asia and Africa.

N. T. Nurulla-Khodjaeva — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Central Asian and Caucasian Countries, Institute of Asia and Africa.

Статья поступила в редакцию 30.09.2022; одобрена после рецензирования 18.10.2022; принята к публикации 24.10.2022.

The article was submitted 30.09.2022; approved after reviewing 18.10.2022; accepted for publication 24.10.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.